

Нет автора

**Мастерство перевода. 1962.
Сборник статей. Выпуск 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н57

Н57 **Нет автора**
Мастерство перевода. 1962. Сборник статей. Выпуск 2 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 629 с.

ISBN 978-5-458-63560-8

Этот сборник задуман как творческая трибуна для обмена мнениями о важнейших проблемах теории и истории перевода (поэтика, эстетические принципы, проблема реалистического перевода) и о конкретных переводческих работах. Здесь содержится также информация о деятельности переводчиков и переводческих организаций за последние годы. В конце книги приводится библиография работ о переводе. Оглавление: К. А. Федин. Дело рук художника. Н. Чуковский. Реалистическое искусство. Б. Яковлев. Ленинская школа. С. Петров (Новгород). О пользе просторечия. Е. Эткинд (Ленинград). О поэтической верности. Вл. Россель. Подспоры и програды. (Заметки о переводе с близкого языка). В. Ковалевский (Киев). «Размером подлинника». 179 Юр. Молочковский. Легче или труднее? (Об особенностях перевода чешской прозы). М. Карагаев (Алма-Ата). Слово о Мухтаре Аузозове. Г. Маргвелашвили (Тбилиси). Подвиг Николая Заболоцкого. Т. Сильман (Ленинград). Концепция произведения и перевод. Д. Глазер (Рига). Заметки на полях Собрания сочинений А. Упита. А. Белов (Ленинград). Исправить и дополнить! «(О стихах Ошера Шварцмана). Аг. Гатов. «Храбрость пяти наказаний» («Бронзовый век» Го Ма-жо в русском переводе). Наследие. И. Серман (Ленинград). Русская литература XVIII века и перевод. Ю. Левин (Ленинград). Об историзме в подходе к истории перевода за рубежом. Марк Живов. Юлиан Тувим — пропагандист русской поэзии. А. Федоров и О. Трофимкина (Ленинград). Чешские теории перевода. Школа мастерства. В. Е. Ш о р (Ленинград). Опыт многообразного решения одной переводческой задачи. Творческие споры. Дискуссия о просторечии. М. Беккер. Переводы славянских литератур. Р. К. Перевод — оригинал — действительность. П. Т. Хроника. Москва — 507; Ленинград — 513; Тбилиси — 518; Рига — 520; Таллин — 522; Северный Кавказ — 523. На III конгрессе FIT. Томас Манн о переводе. Библиография. Текущая библиография (1959—1960). И. Советский Союз (сост. Н. Назаревский). И. Зарубежные страны (сост. Б. Хавес). Дополнения к библиографии 1953—1958 гг. И. Советский Союз (сост. Н. Назаревский). И. Зарубежные страны (сост. Б. Хавес).

ISBN 978-5-458-63560-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

К. А. Федин

ДЕЛО РУК ХУДОЖНИКА

Для всего дела художественного перевода наступает как бы новая историческая полоса. Это касается всего мира, а не только Советского Союза. Мир изменяется бурно, как никогда. Мы живем в эпоху, предвестником которой был Великий Октябрь. Это наша величайшая социальная революция вызвала к жизни ныне с такой мощью развернувшееся мировое национально-освободительное движение колониальных народов Азии и Африки, народов Латинской Америки, свидетелями и активными сторонниками которого мы сейчас являемся.

По числу выпускаемых в свет переводных изданий Советский Союз стоит на первом месте в мире. Среди этих изданий переводы художественной литературы занимают огромное место. Факт этот обязывает писателей ко многому, и прежде всего — к серьезнейшей подготовке новых кадров переводчиков высокой квалификации.

С ростом наших международных связей, с непрерывным усилением той роли, которую исторически занял в мире наш народ и которую выполняет наше государство, мы можем и не заметить, как далеко отстаем в своей переводческой деятельности от настойчивых требований времени.

Проблема перевода сложна. Она сугубо сложна

для писателя, имеющего дело с литературным, то есть — в подлинном смысле слова — поэтическим искусством перевода. Художественный перевод больше, чем всякий иной, служит познанию одного народа другим. Художественная литература своими богатейшими изобразительными средствами раскрывает нам человека, а знание, понимание человека создают наше представление о нации.

Обмен в области так называемой «чистой» науки осуществляется тоже благодаря работе переводчика. Математики, объясняющиеся между собою формулами, все же вынуждены пользоваться услугами переводчика. Астрономические исчисления Коперника или Галилея, их открытия и выводы мы знаем благодаря научному переводу. Но этот перевод ничего не скажет нам о личности Коперника или Галилея, мы не узнаем их человеческой судьбы, а за нею — судьбы их современников, их народа. Полноту представлений о нации нам дает искусство писателя, которое может быть передано другой нации единственно с помощью переводчика-писателя, переводчика-поэта.

Из физической географии я более или менее могу представить себе остров Исландию. Но представление мое будет до тех пор формально-абстрактным, пока я не увижу в условиях этого острова его обитателя — исландца. Халлдор Лакснесс дал мне своими поэтическими сагами о людях Исландии пульсирующее кровью жизни представление о судьбах исландского народа. И вот чудо искусства: знание мое исландца-человека обогатило и мое представление о физической географии острова. Силы и власть природы рисуются нам только в их столкновении с человеком. А человек — это извечный предмет художественной литературы.

В молодости я жил в степях Казахстана и немало видел тогдашних кочевников-казахов. Но только Мухтар Ауэзов сделал насыщенным мое знание казахского народа своим «Абаем», и близкие мне степи с их ветрами и ароматом дышат теперь в такт с моим дыханием, как будто я стал казахом.

Благодаря искусству переводчика в нашей душе поселены миры и миры. Что же обещают нам писа-

тели-переводчики теперь, в эти дни, когда множатся вокруг нас еще неведомые нам миры, познать которые мы обязаны не меньше, а, может быть, больше, нежели с юных лет познанные нами мир Гомера, мир Сервантеса, мир Данте, Шекспира, Гёте и те, так ясно слышимые, трепещущие в нашем воображении миры Роже Мартен дю Гара, Халлдора Лакснесса, Томаса Манна и других больших художников нашего века? Что дадут нам советские писатели-мастера, когда с горячим сирокко несутся к нам голоса возрожденной Африки и клокочущие в смерчах и тайфунах зовы Азии? «С нами ли вы?» — спрашивают нас борющиеся народы. «С вами», — отвечает им наш народ.

Но чтобы ответить так — «с вами», — народ наш хочет и должен хорошо узнать тех, кто задает ему этот вопрос. Узнать же он может только с помощью новых и новых трудов писателей-переводчиков.

Вопрос о роли переводчика художественной литературы в аспекте деятельности Союза писателей СССР членится на две части.

Но членение не означает принципиальной раздельности двух частей вопроса. Наоборот — обе части в своем существе слитны. Их соединяет общность теоретическая, общность рабочей практики: я говорю о переводческой деятельности в обмене достижениями художественной литературы между разноязычными народами Советского Союза и о переводной литературе с языков зарубежных стран. И в том и другом случае писатель-переводчик имеет дело с одинаковыми требованиями или задачами и с принципиально однородной техникой своего труда.

У нас есть очень значительные, истинно художественные переводы на русский язык с языков других советских народов. Это касается закавказских, кавказских и среднеазиатских народов. В свою очередь много сделано в союзных республиках в области перевода русских классиков. Взаимная популяризация этих богатств не останавливается, но в целом она ведется без достаточной планомерности. Что же до современной советской литературы, то переводы ее делаются часто на невысоком или даже на низком уровне.

Не так давно начавшиеся межреспубликанские встречи писателей обещают стимулировать более глубокое взаимное изучение литератур советских народов и улучшить качество переводов. Такие рабочие встречи, несомненно, будут способствовать серьезному развитию переводческой деятельности во всех национальных союзах советских писателей.

Достижения переводчиков произведений зарубежной литературы, особенно с языков западных народов, общеизвестны. Тут наша советская культура может быть поставлена в пример многим другим странам. Русские переводы многих западноевропейских и американских классиков образцовые. Есть известные успехи и у переводчиков с языков Востока. Но эта область ждет с нетерпением своего роста, размаха и быстрого пополнения новыми писательскими силами.

Пора с достаточной ясностью и широтой наметить перспективы развития всего дела художественного перевода в Советском Союзе.

Для братских писательских организаций наступило время больших решений, которые следует нам выработать и принять. Надо ответить на главный вопрос: каким путем нам идти в практике писателя, обязанного *совершенствовать* искусство перевода, и что надо сделать, чтобы как можно интенсивнее шла подготовка новых писательских *кадров* переводчиков.

Писатель-переводчик — это благородная профессия, это труд высочайшей квалификации, это общественно важное призвание. Нет надобности ныне опровергать имевшие место неловкие и неумные разговоры о том, что переводчик — не творческий работник, не писатель.

Нет, задача и стремления наши состоят в том, чтобы художественный перевод был всегда делом рук художника, был плодом творческого и вдохновенного труда писателя.

Давайте сохраним в душе своей слова Гоголя, который, оценивая гений Жуковского, сказал: «Переводя, производил он переводами такое действие, как *самобытный и самоцветный поэт*».

Н. Чуковский

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

За последнее время среди переводчиков было немало толков о кибернетической машине, которая будет переводить. Не сомневаюсь, что такие машины будут. И думаю, что нам, переводчикам художественной литературы, нужно только радоваться этому.

Подобно тому как появление фотографии не убило живопись, а, напротив, освободило ее от множества второстепенных, подсобных, служебных задач, так и появление кибернетических машин освободит искусство перевода от всего того, что не есть искусство.

Художественное произведение может быть передано на другом языке только художественными средствами, только с помощью творчества. А творчество не может быть механическим. Вот отчего так убийственны для литературы механические переводы — независимо от того, сделаны ли они машиной или рукой усердного ремесленника.

Роль художественного перевода в нашей многоязычной стране грандиозна. И поразителен разрыв между этой ролью и общественным вниманием к ней. Важнейшая для страны работа совершается, в сущности, в темноте, стихийно, без руководства.

Теоретические завоевания советского литерату-

ведения, сделанные за последние десятилетия, прошли мимо вопросов перевода. От этого тьма, окружающая вопросы перевода, только еще гуще. А в темноте, как известно, все кошки серы.

Советское искусство перевода имеет большие достижения. Советское искусство перевода имеет большие провалы. Но критики переводов у нас нет. Достижения наши никем по достоинству не оценены. Из провалов наших не извлечены никакие уроки. Прежде чем идти дальше, нам нужно определить, что такое хорошо и что такое плохо.

Если говорить о хорошем, то прежде всего надо сказать, что за последние десятилетия у нас в стране создалась наша советская школа художественного перевода, школа, пользующаяся реалистическим методом и, следовательно, теснейшим образом связанная со всем реалистическим советским искусством. Как все на свете, школа эта родилась в борьбе. В борьбе с буквализмом, с формалистическим педантством, с теорией лингвистических адекватов. По правде говоря, все это одно и то же. Все это построено на ложных представлениях, что переводчик должен переводить слова. А между тем слова-то и непереводимы. Недавно американский писатель Митчел Уилсон в «Огоньке» объяснил нам, что смысл английского слова «please», вопреки словарям, не совпадает со смыслом русского «пожалуйста». При внимательном взглядывании такое несовпадение смыслов обнаруживается почти для всех слов всех языков. Лингвистически адекватны только банальности, а банальность всегда противоположна художественности, и потому с помощью лингвистических адекватов художественный перевод неосуществим.

Представим лингвистические адекваты кибернетическим машинам, а мы — люди. Нам нужно живое, в каждом своем проявлении неповторимое реалистическое искусство.

Реализм — это насыщенное человеческим чувством и человеческим смыслом изображение действительности. Переводчик-реалист потому реалист, что он изображает жизнь, изображенную другим, на другом

языке. Если автор, которого ты переводишь, изобразил грозу так, что у читателя дух захватывает от страха, то ты должен перевести так, чтобы и у твоего читателя дух захватывало, и это является основным мерилом удачи или неудачи твоего перевода. Яркость, жизненность, эмоциональная напряженность изображения — главная примета всякого таланта. И если ты яркое, полное жизни, смеха, боли, страсти произведение передашь бледно и вяло, то, как бы ты ни пелантствовал над словами, ты только машинка, только усовершенствованная жестянка, а не писатель.

После этих слов хочется непосредственно перейти к подвигу Николая Заболоцкого. Я так и говорю — к подвигу, потому что то, что он сделал, иначе как подвигом не назовешь. Потратив на свой труд всю жизнь, он перевел великолепными стихами все классическое наследие великой грузинской поэзии. Гениальную поэму Руставели он перевел дважды, — он был недоволен своим переводом, сделанным до войны, и после войны перевел ее заново. Поэму Руставели переводили несколько раз и до Н. Заболоцкого, но труд Заболоцкого перечеркнул все сделанное раньше, и теперь, в следующий раз, Руставели будут переводить не скоро, — разве тогда, когда русский язык изменится.

Не менее поразительны сделанные Заболоцким переводы творений двух других великих поэтов Грузии — Давида Гурамишвили и Важа Пшавела. Переводы его из советских грузинских поэтов остаются непревзойденными. Н. Заболоцкий своими переводами навсегда включил грузинскую поэзию в состав русской поэзии, а это величайшая похвала, которой можно оценить труд переводчика.

Я уже не говорю о том, что Заболоцкий перевел на современный русский язык, или, если угодно, пересказал, «Слово о полку Игореве», создав безусловно лучший из существующих многочисленных переводов этой несравненной поэмы. Лучший не с научно-педантской точки зрения, а с художественной — хотя бы по одному тому, что благодаря Н. Заболоцкому «Слово о полку Игореве» стало доступно не только

высокоэрудированному историку или языковеду, но сердцу, уму, воображению любого русского школьника.

Н. Заболоцкий сказал: «Переводчик служит делу дружбы народов, их взаимному обогащению в области культуры. Ведь его труд и все его профессиональные навыки определяются этой основной его целью». Мы, советские переводчики, никогда не забудем эти умные и добрые слова.

Наше правительство наградило Заболоцкого за его труды орденом. Но наша критика — разобралась ли она хоть немного в бесценном культурном наследстве, оставленном нам Заболоцким? Нет, не разобралась и даже не попыталась разобраться. Отсутствие критики такого из ряда вон выходящего явления культуры, как переводческое наследие Заболоцкого, — явный признак того сумрака, того тумана, которым окутано у нас дело художественного перевода.

За последнюю четверть столетия грандиозная работа, удивительная по своей художественной высоте, проделана в области перевода фольклорного и классического наследия народов Средней Азии. Тут и «Манас», и казахский эпос, и «Малый киргизский эпос», и «Алламыши», и «Сорок девушек», и великий Навои, и Махтум-Кули, и таджикско-персидская классика. Если говорить о переводчиках, сделавших достоянием русской культуры все это богатство, то прежде всего нужно назвать три имени — С. Липкин, Л. Пеньковский и А. Тарковский. Это тоже литературный подвиг, которым мы вправе гордиться. И не только подвиг не оцененный, а не изученный, не осознанный, что уже совсем плохо. Плохо потому, что опыт не подытожен, дальнейший путь не намечен.

Кроме Л. Пеньковского, С. Липкина, А. Тарковского поэзию Средней Азии переводили и С. Шервинский, и П. Антокольский, и М. Петровых, и В. Потапова, и В. Державин. Все это ярко выраженные индивидуальности. У каждого из них свой метод, свой опыт. Но никто не сделал даже попытки разобраться, какой из этих методов и опытов наиболее плодотворен.

Если говорить о самых бесспорных удачах нашего переводческого искусства, нельзя не упомянуть о переводе кабардинского эпоса «Нарты». Здесь, по моему мнению, наибольшие достижения выпали на долю В. Потаповой, В. Звягинцевой и М. Петровых. Впрочем, у каждой из названных переводчиц немало заслуг в различных областях.

Много и отлично переводит В. Звягинцева. Лучше всего переводит она советских армянских поэтов. Тут никто не сделал больше нее. Она проявила в этой работе и вкус, и высокое мастерство, и настояще поэтическое чутье.

Однако ряд значительных поэтических явлений еще не получил достойного воплощения на русском языке. Особенно не повезло великому поэту Украины, одному из величайших поэтов мира Тарасу Шевченку. Для всякого, кто привык читать Шевченка по-украински, читать его в русских переводах глубоко огорчительно. Читаешь по-русски и слышишь, что вся музыка стиха пропала. А ведь Шевченко, подобно Блоку, подобно Гейне, музыкальнейший поэт, и если пропала музыка его стихов, пропали и стихи. Самое печальное, что все это произошло не оттого, что переводчики Шевченка бездарны или безвкусны, а оттого, что они находились в плена самого элементарного, самого механистического формализма. Они задались вздорной задачей создать русский силлабический стих, задачей, безнадежность которой доказана еще двести лет назад Тредиаковским и Ломоносовым. Русский силлабический стих невозможен не по чьей-то прихоти, а потому, что силлабика находится в противоречии с мелодикой русской речи. Переводчики Шевченка заменили творчество механическим калькированием шевченковских ритмов, подсчитыванием слогов и ударений. Как известно, Сальери гармонию поверял алгеброй, но ведь все-таки алгеброй, а не арифметикой, да еще самой элементарной арифметикой, в пределах первого класса школы для семилетних детей: два плюс три = пять.

Да еще вопрос, является ли шевченковский стих просто силлабикой? Он гармонизован сложнее, и гар-

монию его на русском языке можно передать не с помощью арифметики, а только с помощью верного поэтического слуха. Вот ведь существует «Дума про Опанаса» Багрицкого, написанная по-русски почти шевченковским стихом. Значит, если у поэта есть слух, он может и по-русски воссоздать шевченковскую гармонию, не прибегая к арифметике.

Конечно, есть среди переводов из Шевченка много удачных, и прежде всего это переводы Твардовского и Исаковского. Отдельные удачи есть и у других. А все же великий Тарас еще ждет своих переводчиков на русский язык, которые воссоздадут его думы не педантски, а свободно, гармонично, вдохновенно — так, как они написаны¹.

Замечательно, что те же переводчики, которые потерпели поражение, переводя Шевченка, отлично перевели Лесю Украинку. Леся Українка на русский язык переведена великолепно, в высшей степени поэтично. Это еще одно доказательство, что в неудаче переводов Шевченка виновато не отсутствие таланта у переводчиков, а неправильные методы перевода.

Перевод Шевченка пострадал от теоретических заблуждений. Но в целом искусство перевода в нашей стране страдает не столько от теоретических ошибок, сколько от двух других зол. Во-первых, от халтуры, во-вторых, от дурной организации дела.

Разврат начинается не с того, как переводят, а с того, что переводят. Бледную, глупую, безвкусную, банальную вещь перевести хорошо невозможно. Только самонадеянные простаки верят, что они могут что-то «дотянуть» в переводе. Как ни дотягивай, убогая дерюга оригинала вылезет наружу. У нас справедливо говорится, что перевод на русский язык — это выход на всемирную арену. Но ведь стоит выходить на арену только с тем, чтобы тебя на этой арене заметили, — то есть с чем-нибудь новым, своеобычным, сильным, прекрасным. И в каждой национальной культуре есть

---

¹ О переводах поэзии Т. Шевченка на русский язык см. в этом сборнике статьи В. Ковалевского, Вл. Россельса и отчет о дискуссии по проблемам перевода славянских литератур. — Ред.